

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЗДЕМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — в.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода. 3 » 50 »

На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Сказаніе о лѣсномъ царѣ. Е. Геслингъ. — II. Иванъ Николаевичъ Крамской. Н. Капустиной. — III. Разбитыя гусли. (Стих.). Низовскаго. — IV. Сердце поэта. А. Сахаровой.

СКАЗАНІЕ О ЛѢСНОМЪ ЦАРѢ.

XIV.

Карликъ Ніортъ.

ВО ВРЕМЯ поѣздки на островъ за дикаремъ, Эрикъ потерялъ изъ виду „Дочь лѣснаго царя“; несмотря на всѣ опасности, которымъ онъ подвергался, и страшный недостатокъ провизіи, за что роптали матросы, онъ плылъ все далѣе. Однажды дикарь, которому Эрихъ,

какъ опытному мореходцу, поручилъ управленіе рулемъ, сказалъ ему:

— Послушай, Эрихъ, не можемъ же мы вѣчно носиться по волнамъ, безъ цѣли; мы уплывемъ Богъ знаетъ куда. Неужели твой пріятель не говорилъ тебѣ о цѣли своего плаванія, а если она существуетъ, то открой мнѣ ее; я можетъ помогу тебѣ.

— Намъ надобно плыть на дальній сѣверъ и отыскать тамъ царство тулійскаго короля, отвѣчалъ Эрихъ. Таково повелѣніе императора Карла, но я совсѣмъ не знаю, гдѣ оно находится.

— Давно бы ты и сказалъ, вскричалъ дикарь. Это на островѣ Исландіи, онъ окруженъ льдами и самъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, хотя въ серединѣ его и есть такая печь, что за милю отъ нея дышать нельзя. Эта печь — два вулкана: Гекла и Крабла.

— Если ты убѣжденъ въ томъ, что говоришь, то води насъ туда, сказалъ обрадованный Эрихъ.

„Аріадна“ пошла прямо на сѣверъ. Черезъ два дня они поравнялись съ пустыннымъ островомъ; то было въ свѣтлую, лунную ночь; корабль плылъ тихо, на вершинѣ скалы виднѣлся замокъ съ зубчатыми башнями. Замокъ этотъ казался былъ вылитъ изъ чистаго золота и отражался въ волнахъ миллионами кристаловъ. Вдругъ до Эриха донеслось волшебное пѣніе; голосъ пѣлъ, какъ злой карликъ держитъ въ плѣну молодую дѣвушку, гдѣ она томится и тоскуетъ по родинѣ.

Эрихъ велѣлъ спустить шлюпку и поплылъ къ острову. Едва онъ ступилъ на берегъ, какъ увидѣлъ предъ собою странное существо, ростомъ не болѣе локтя *), съ огромной, лысой головою, ртомъ отъ уха до уха, съ маленькими зелеными глазками, и съ такими ушами, которыми позавидовала бы каждая свинья. Ноги его были кривы, а руки такъ длинны, что доставали до земли. Карликъ былъ весь окутанъ въ ка-

*) Локоть — мѣра, менѣе аршина.

кую-то звѣриную шкуру, мѣхомъ вверхъ. Эрихъ догадался, что передъ нимъ карликъ Ніортъ.

— Убирайся отсюда, пискнулъ карликъ.

— Ну, не такъ строго, отвѣчалъ спокойно Эрихъ; я развѣ зналъ, что ты тутъ живешь.

— У тебя кажется глаза есть; видишь, золотыя ворота, они ведутъ прямо въ мой зѣмокъ.

— А можно туда войти?

— И нельзя, и не посмѣй.

— А я все-таки войду, сказалъ Эрихъ, и схвативъ Ніорта за уши, приподнялъ его на воздухъ, какъ собаченку.

Карликъ запищалъ такъ, что Эрихъ принужденъ былъ заткнуть себѣ уши, карликъ искусалъ ему руки до крови, и наконецъ сказалъ:

— Отпусти мои уши и скажи, что тебѣ отъ меня надобно?

— Мнѣ надобно, чтобъ ты отдалъ ту дѣвушку, которая у тебя въ плѣну. Веди меня сейчасъ же къ ней, иначе я сброшу тебя въ море.

— Ой, ой! взвизгнулъ Ніортъ, иди же въ эти ворота, но не тащи меня такъ больно за уши.

Эрихъ взялъ Ніорта за шиворотъ и приказалъ ему указывать дорогу. Когда они вошли въ зѣмокъ, то въ первой комнатѣ глазамъ Эриха представились глыбы хрустала, серебра и золота; вторая блестѣла изумрудомъ, третья—аметистами и сапфирами, четвертая горѣла вся брильянтами.

— Вишь какой ты чертенокъ богатый. Откуда у тебя столько сокровищъ?

— Эти сокровища перешли ко мнѣ отъ моихъ предковъ.

— Зачѣмъ же ты укралъ дѣвушку?

— Я ее не кралъ. Мнѣ принесть ее царь тумановъ; онъ просилъ меня позволить ему отдохнуть на моемъ островѣ и въ благодарность подарилъ мнѣ ее.

— А кто она такая?

— Она племянница лѣснаго царя и дочь тулійскаго короля, царство котораго недалеко отсюда.

— Ты знаешь какъ добраться до него?

— Конечно, знаю.

Въ это время имъ на встрѣчу вышла дѣвушка такой красоты, какой Эрихъ и во снѣ не видалъ.

— Здравствуй, молодой путешикъ; я знаю, что ты избавишь меня отъ ненавистнаго Нюрта. Меня зовутъ Ульфрумъ; я дочь тулійскаго короля и племянница лѣснаго царя.

— О, красавица! если ты берешься доставить меня къ моему отцу, я спасу тебя.

Наконецъ Эрихъ выпустилъ изъ рукъ Нюрта и швырнулъ какъ котенка. Затѣмъ сталъ забирать драгоценности и наполнилъ ими свои карманы, носовой платокъ и шляпу. Ульфрумъ помогала ему.

— Мой императоръ пришлетъ сюда цѣлый флотъ, а теперь Нюртъ прощайся съ жизнью, ты годишься на ужинъ киту.

Карликъ жалобно запищалъ, прося о помилованіи.

— Хорошо, я тебѣ дарю жизнь, но съ условіемъ, ты будешь шуткомъ моего государя, которому намѣренъ тебя подарить.

Волей-неволей Нюртъ согласился. Солнце уже стояло высоко, когда Эрихъ съ Ульфрумъ, карликомъ и драгоценностями возвратился на „Аріадну“, и „Аріадна“ быстро поплыла къ острову Исландіи.

XV.

Тулійское царство.

Въ одинъ холодный сентябрьскій день, король Снорро сидѣлъ въ одномъ изъ великолѣпныхъ покоевъ своего замка, построеннаго на вершинѣ высокой скалы; изъ оконъ виднѣлось безпредѣльное море. Возлѣ него сидѣлъ старикъ съ большой,

сѣдой бородой, весь закутанный въ дорогіе мѣха. То былъ братъ жены короля Снорро. Они вели дружескую бесѣду, вспоминали прошлое и горевали объ умершихъ женахъ своихъ.

— Тебѣ по крайней мѣрѣ жена оставила утѣшеніе въ прекрасныхъ дочеряхъ, говорилъ Снорро, а мнѣ пришлось разстаться съ единственной дочерью. Я долженъ былъ отдать ее тебѣ, иначе она умерла бы со скуки на пустынномъ островѣ, въ обществѣ такого старика, какъ я. Вотъ уже двадцать лѣтъ съ того дня, какъ моя Ульфрумъ уѣхала съ тобою. Въ дѣтствѣ она была хорошенькой дѣвочкой, желалъ бы я знать, какова она теперь? Но что же ты не отвѣчаешь мнѣ, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. — Или ты ею недоволенъ? или ты онѣмѣлъ?

— Какъ же отвѣчать, ты только спрашиваешь, сказалъ старикъ. Ульфрумъ — красавица, но...

— Но что же? Ты меня пугаешь... Что такое случилось?

— Случилось то, что моя старшая дочь Гильфа и твоя Ульфрумъ исчезли...

— Исчезли? Моя Ульфрумъ исчезла?

— Да, исчезла, но скоро найдется и будетъ здѣсь.

Снорро немного успокоился и сталъ пристально глядѣть въ окно. Въ эту минуту вошелъ слуга, доложилъ королю, что вблизи острова показался корабль, и спросилъ, можно ли ему позволить войти въ бухту? Король Снорро далъ позволеніе. Старики безмолвно глядѣли въ окно и любовались кораблемъ, который на всѣхъ парусахъ вошелъ въ бухту. Черезъ нѣсколько времени слуга снова доложилъ королю, что то былъ нѣмецкій корабль, и капитанъ просить позволенія представиться завтра королю Снорро и передать ему поклонъ отъ своего государя.

— Пусть явится съ восходомъ солнца, отвѣчалъ Снорро. Мы рады доброму достю.

Едва прошло съ четверть часа, какъ снова явился слуга съ донесеніемъ, что вдали виднѣется другой корабль.

— Пусть и онъ войдетъ въ бухту, да старайся узнать, что это за люди; я не думаю, чтобы это были непріатели. Мое царство такъ отдалено отъ всѣхъ странъ, что о немъ разсказываютъ за моремъ только пустыя сказки. Ну, да завтра все узнаемъ.

XVI.

Пріемъ чужестранцевъ.

Король Снорро велѣлъ приготовить большую, открытую залу, окнами выходившую на море. Онъ хотѣлъ съ царскою пышностью принять неожиданныхъ гостей. Прислуга въ богатой одеждѣ сновала взадъ и впередъ по покоямъ. Тридцать почетныхъ стражей въ блестящемъ вооруженіи были разставлены по тремъ сторонамъ залы; четвертая сторона оставалась пустою, чтобы не закрывать прекраснаго вида на море. Тридцать рыцарей въ латахъ и шлемахъ окружали тронъ короля Снорро; придворные кавалеры и дамы размѣстились полукругомъ. Когда всѣ были на своихъ мѣстахъ, король Снорро вошелъ въ залу, въ длинной золотой порфирѣ; на головѣ у него сіяла корона алмазами и рубинами; онъ сѣлъ на богато убранный тронъ. Рядомъ съ нимъ помѣстился братъ его, въ порфирѣ изъ шкуры бѣлаго медвѣдя и бѣлой лисицы, мѣхомъ вверхъ. На головѣ его была также корона, перевитая болотными растеніями. Торжественная музыка возвѣстила о приходѣ перваго гостя. Онъ подошелъ къ королю Снорро и преклонилъ передъ нимъ колѣно.

— Добро пожаловать, сказалъ Снорро, приподнимая его. Кто ты и откуда?

— Я—Ирмаль, подданный германскаго и римскаго императора Карла Великаго, который прислалъ меня сюда, чтобы передать вашему величеству его поклонъ. Я командую кораблемъ „Дочь лѣснаго царя“.

При этихъ словахъ, зять короля Снорро поднялся съ мѣста и, протянувъ обѣ руки Ирмалю, воскликнулъ:

— О, воскресшее дитя! узнаешь ли ты своего старого знакомаго? И кто научилъ тебя дать твоему кораблю такое названіе?

— Какъ! Лѣсной царь! И здѣсь даже я вижу тебя? отвѣчалъ удивленный Ирмаль.

— Э, да вы видно знаете хорошо другъ друга, сказалъ король Снорро.

— Что же ты не привезъ мнѣ Гильфы и Ульфрумъ? А я-то надѣялся, что ты ихъ отыщешь и освободишь.

— Какъ же это ты, старина, не умѣлъ во время себе-речь ихъ?

— О, я несчастный! воскликнулъ лѣсной царь, и горько заплакалъ.

— Успокойся, если ты даешь мнѣ свое царское слово, что не будешь ни въ чемъ упрекать Гильфу, то она сейчасъ явится передъ тобою.

Ирмаль вышелъ изъ залы и черезъ минуту возвратился, ведя за руку молодую дѣвушку, которая, при видѣ лѣснаго царя, упала передъ нимъ на колѣни.

— Прости отецъ, что я не послушала тебя, я слишкомъ удалилась съ Ульфрумъ, во время танцевъ новолунія на мховомъ болотѣ, за то мы и были обѣ жестоко наказаны.

— О дочь моя, о моя Гильфа! приди въ мои объятія, я все тебѣ прощаю, мы поѣдемъ опять на нашъ Неккаръ и будемъ вновь счастливы.

— Нѣтъ, старина, Гильфа теперь моя, во время пребыванія ея на моемъ кораблѣ, мы полюбили другъ друга, она познала теперь истиннаго Бога и, по прибытіи со мною въ Ахенъ, приметъ св. крещеніе, а съ твоего разрѣшенія мы обвѣнчаемся.

— Пусть будетъ все такъ, какъ ты говоришь, Ирмаль, я даю свое согласіе, сказалъ лѣсной царь.

— Вотъ тебѣ посчастливилось найти твою Гильфу, ска-

заль грустно король Снорро, а я все не знаю, гдѣ моя Ульфрумъ.

Въ эту минуту трубы возвѣстили приходъ втораго гостя, онъ вошелъ въ залу въ сопровожденіи прекрасной, молодой дѣвушки, и оба преклонили колѣни передъ королемъ Снорро.

— Ульфрумъ! моя радость, мое сокровище! вскричалъ Снорро, со слезами обнимая свою дочь.

Между тѣмъ Ирмаль и Эрихъ (это былъ онъ) уже узнали другъ друга, обнялись и дружески разговаривали.

— Кто ты, чужестранецъ, возвратившій мнѣ мою дочь? спросилъ Снорро, обращаясь къ Эриху.

— Я—Эрихъ, подданный германскаго и римскаго императора Карла Великаго и другъ Ирмалю, отвѣчалъ Эрихъ. Но я не могу возвратитъ тебѣ твою дочь, а прошу твоего согласія на нашъ бракъ. Я обратилъ ее въ христіанство, пусть она будетъ мнѣ доброй подругой.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь, о Эрихъ! тѣмъ болѣе, что я чувствую, что мнѣ недолго остается жить на этомъ свѣтѣ. Завтра мы отпразднуемъ обѣ свадьбы.

Въ это время Снорро увидалъ еще одного чужестранца.

— А это еще кто? спросилъ онъ Эриха.

Послѣдній выступилъ впередъ и разсказалъ въ короткихъ словахъ всю исторію бывшаго дикаря, своего штурмана. Ирмаль слушалъ его разсказъ съ большимъ вниманіемъ, затѣмъ подошелъ къ штурману.

— Какъ звали твоего сына? спросилъ онъ его.

— Ирмалемъ, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ я—Ирмаль, я твой сынъ!

Тутъ отецъ и сынъ горячо обнялись. Всеобщей радости не было бы конца, если бы день не склонялся уже къ вечеру, и церемоніймейстеръ не вошелъ съ докладомъ, что кушанье на столѣ. Всѣ пошли обѣдать. Снорро велѣлъ потовить на завтра двойной свадебный пиръ.

XVII.

Пиръ и новый король Исландіи.

На другой день всё весело пировали; роскошныя кушанья изъ тюленьяго мяса, окороковъ и лапъ бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ рыбъ и птицъ, поданныя на роскошныхъ золотыхъ блюдахъ, покрывали столы; недоставало только вкуснаго вина, потому что туземное вино, выгнанное изъ исландскаго моха, было не сладко и дѣнисто. Тогда, по знаку Ирмалъ, два матроса вкатили въ залу огромную бочку.

— Это что такое? спросилъ удивленный Снорро.

— Сейчасъ увидишь, отвѣчалъ Ирмалъ, и велѣлъ откупорить бочку, затѣмъ взялъ свой кубокъ, наполнилъ его золотистымъ рейнвейномъ и подалъ королю Снорро, который выпилъ его залпомъ.

— О боги! что за сладостный напитокъ, сказалъ онъ, и выпилъ еще кубокъ. Откуда онъ получается и изъ чего дѣлается?

— У насъ есть чудная рѣка Рейнъ, берега котораго покрыты сладкимъ, прозрачнымъ, изумруднымъ виноградомъ, изъ него-то и выдѣлывается это вино.

— Дайте мнѣ еще кубокъ, сказалъ Снорро, и подошедши къ окну, торжественно прибавилъ: пью за здоровье великаго Карла; вотъ послѣдній глотокъ въ моей жизни.

При этихъ словахъ онъ бросилъ кубокъ въ пѣнящіяся волны океана, пошатнулся и упалъ мертвый. Въ ту же минуту раздался крикъ морской птицы, а мѣсто, гдѣ сидѣлъ льснй царь, оказалось пустымъ. Послѣ короля Снорро, Ирмалъ объявилъ островъ Исландію принадлежащимъ императору Карлу Великому, выбралъ трехъ старыхъ и умныхъ правителей и, нагрузивъ 12 кораблей разными богатствами,

поѣхалъ въ Гамбургъ. Императоръ Карлъ находился въ то время тамъ, когда ему доложили, что въ гавань вошли подъ его флагомъ 12 кораблей, онъ очень удивился этому, и самъ пошелъ посмотреть на нихъ. Ирмалъ передалъ ему подробный рассказъ о своихъ приключеніяхъ, начиная отъ уничтоженія нормановъ у пограничныхъ береговъ до смерти короля Снорро.

Императоръ, слушавшій его со вниманіемъ, снялъ съ пальца богатый перстень, съ шеи драгоцѣнную цѣпь и, передавая ихъ Ирмалу, сказалъ:

— Вотъ перстень и цѣпь взамѣнъ кубка, котораго лишилъ тебя Снорро, жалую тебя королемъ Исландіи, а Эриха— вице-королемъ. Спасибо тебѣ за вѣрную службу.

Ирмалъ съ женой и отцемъ отправился на Неккаръ. Гилька уже умерла, и старый Гарроль рѣшилъ ѣхать въ Исландію, чтобы тамъ спокойно доживать свой вѣкъ. Эрихъ съ Ульфрумъ тоже посѣтили своихъ родителей, которые сдались на его убѣжденія и послѣдовали за нимъ на далекій сѣверъ. О лѣсномъ царѣ не было больше ни слуху, ни духу...

Е. Геслингъ.

Царское Село.

20 іюля 1882 г.

Изъ Нибелунговъ.

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КРАМСКОЙ

И ЕГО ЗНАКОМСТВО СЪ И. С. НИКИТИНЫМЪ.

ОРОНЕЖСКАЯ губернія кромѣ извѣстныхъ намъ поэтовъ, Кольцова и Никитина, дала еще замѣчательнаго нынѣшняго художника, Ивана Николаевича Крамскаго. Иванъ Николаевичъ пользуется большою извѣстностью какъ по своимъ портретамъ отличающимся необыкновеннымъ сходствомъ и жизненностью, такъ и по многимъ картинамъ. Онъ писалъ портретъ нынѣшняго Государя, когда тотъ былъ еще Наслѣдникомъ, портретъ нынѣшней Государыни Императрицы, который теперь выставленъ на передвижной выставкѣ, и между массой другихъ портретовъ онъ написалъ многихъ нашихъ извѣстныхъ дѣятелей науки, литературы и искусства: писателей гр. Толстаго, Григоровича, Салтыкова, профессора химіи Менделѣева, артиста Самойлова, Лавровской и др. Изъ картинъ его особенно замѣчательны: „Христосъ въ пустынѣ“, „Майская ночь“ Гоголя, представляющая ту минуту, когда панночка отыскиваетъ свою мачиху. Эта картина производитъ удивительное впечатлѣніе: вы видите передъ собой дѣйствительно русалокъ-утопленницъ.

Извѣстны также его: „Охотникъ на тягѣ“, купленный покойнымъ Государемъ, этюды головъ „Мельника“ и Пчело-вода“ и „Дѣдушкинъ садъ“ при лунномъ освѣщеніи: молодая женщина сидитъ на скамѣ въ тѣнистомъ старомъ саду и воспоминаетъ вѣроятно исторію и жизнь своего дѣдушки.

Однажды Иванъ Николаевичъ въ небольшой дружеской бесѣдѣ, говоря о своей родинѣ и о своемъ дѣтствѣ и юности, рассказалъ и о своемъ знакомствѣ съ поэтомъ Никитинымъ. По просьбѣ слушавшихъ Иванъ Николаевичъ позволилъ помѣстить этотъ рассказъ въ „Игрушечкѣ“ для юныхъ читателей.

Вотъ этотъ рассказъ записанный съ его словъ:

„Я родился въ 1837 году, говорилъ Иванъ Николаевичъ, должно быть въ маѣ мѣсяцѣ, потому что 29 мая считается моя годовщина, въ пригородной слободѣ города Острогожска, Воронежской губерніи. Въ Острогожскѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ поселенъ казачій пикетъ изъ Запорожской Сѣчи, поэтому коренные обитатели Острогожска — малороссы. Мой отецъ былъ потомокъ казаковъ. Учился я первоначально у сосѣда Крушенникова. Онъ содержалъ школу. Это была музыкальная семья: между ними были и репенты и скрипачи. Было мнѣ тогда лѣтъ семь. Потомъ я учился въ городскомъ уѣздномъ училищѣ, равнявшемся четыремъ классамъ гимназій, прихватилъ немного латыни и прочаго. Рисоваль я тамъ очень плохо, хотя уже любилъ рисованье, но не умѣлъ справиться со штрихами по рисункамъ Жюльена. Эта манера мнѣ и тогда не нравилась. А рисоваль и копироваль я все, что нравилось, что могъ достать. По наукамъ я учился хорошо. Это доказываютъ мой аттестатъ и похвальные листы.

Двѣнадцать лѣтъ я лишился отца, который былъ журналистомъ въ думѣ, а шестнадцать поступилъ дисцомъ въ ту же думу, гдѣ мой старшій братъ уже занималъ мѣсто отца. Другой мой братъ, тоже старше меня лѣтъ на шесть, былъ учителемъ русскаго языка.

Одинъ годъ я былъ домашнимъ секретаремъ у посредника полюбовнаго размежеванія. Эти посредники приводили къ соглашенію помѣщиковъ, у которыхъ были черезполосныя владѣнья.

Затѣмъ мнѣ представилась возможность выѣхать въ Харьковъ. Въ Острогожскъ пріѣхалъ харьковскій фотографъ Данилевскій, нуждаясь въ ретушерѣ, онъ узналъ, что здѣсь есть юноша, умѣющій рисовать, пришелъ къ намъ и сговорился со мною, а послѣ выписалъ меня къ себѣ въ Харьковъ. Съ нимъ я три года ѣздилъ по Россіи. Этотъ фотографъ былъ кочующій.

Въ 57 году пріѣхали мы съ нимъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я его оставилъ и поступилъ въ академію художествъ, а въ 63 году, вмѣстѣ съ четырнадцатью товарищами отказался отъ программы *) на большую золотую медаль и вышелъ изъ академіи. Еще раньше въ 61 году по болѣзни я отказался отъ конкурса на малую золотую медаль, оставивъ за собой право конкурировать на слѣдующій годъ. Поправившись немного въ Москвѣ, я все таки написалъ картину, на заданную тѣму, это было „Олеги прибываетъ щить къ воротамъ Цареграда“. Но такъ какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ слишкомъ поздно, то и не попалъ на экзаменъ. На другой годъ я написалъ картину на тѣму: „Моисей извлекаетъ воду изъ камня“ и получилъ за нее малую золотую медаль. Это было въ октябрѣ, а въ ноябрѣ, какъ я уже сказалъ, мы вышли изъ академіи.

Выйдя изъ академіи, я обратился къ частнымъ работамъ по заказамъ. Когда я былъ послѣдній годъ въ академіи, профессоръ Марковъ, который долженъ былъ писать куполь въ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, обратился ко мнѣ и предложилъ, чтобы я нарисовалъ картоны (рисунки въ размѣръ картины) по эскизамъ (наброски) самого Маркова. По этимъ картонамъ росписывать куполь долженъ былъ Мака-

*) Картина на заданную тѣму.

ровъ. Но у него дѣло не пошло, Марковъ, притѣсняемый комиссіей, обратился ко мнѣ и просилъ меня взять на себя исполненіе купола. И вотъ въ 66 году я началъ писать его съ помощью брата профессора Венига и художника Кошелева. Кошелевъ остался тамъ, а я, кончивъ куполь, обратился къ своимъ занятіямъ въ Петербургъ.

Въ 1869 году, зимой, я ѣздилъ за-границу на три-четыре мѣсяца, былъ въ сѣверной и южной Германіи и во Франціи. Въ концѣ 75 года я уѣхалъ за-границу на цѣлый годъ, былъ проѣздомъ въ Германіи, а жилъ въ Италіи. Въ третій разъ, въ 78 году, я ѣздилъ на всемірную выставку въ Парижъ.

— Въ какое же время вы познакомились съ Никитинымъ? спросила его я.

— Я видѣлъ его первый разъ въ 59 году, отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ. Будучи уже ученикомъ академіи и получивши маленькую серебряную медаль, я поѣхалъ на родину. Въ это время вышла поэма Никитина „Кулакъ“ и принята была съ восторгомъ, мнѣ также она нравилась и мнѣ захотѣлось познакомиться съ авторомъ поэмы, тѣмъ болѣе, что онъ былъ мой землякъ. Ну, вотъ, когда я проѣзжалъ черезъ Воронежъ, я зашелъ къ Никитину, несмотря на то, что сравнительно съ нимъ былъ почти мальчикъ. Иванъ Савичъ жилъ еще на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, но не смотря на это какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его положеніи было уже большое измѣненіе. Онъ получалъ гонораръ за свои сочиненія и за распродажу книгъ; самое положеніе постоялаго двора улучшилось.

Стоялъ жаркій лѣтній день. Это было въ первыхъ числахъ іюня. Время шло къ вечеру. Вотъ онъ, крошечный домикъ на Кирочной улицѣ съ тремя окнами на улицу. Вхожу во дворъ, Ивана Савича не было дома. Я дождался его на крылечкѣ, во дворѣ. Все было тихо. Ни души. Только прошедшая черезъ дворъ баба, на мой вопросъ „можно-ли видѣть Ивана Савича?“ сказала, что онъ

скоро придетъ, чтобъ я подождалъ. Увидя входящаго въ калитку Ивана Савича, я подошелъ къ нему и говорю:—Извините пожалуйста, что я, незнакомый человѣкъ, пришелъ къ вамъ беспокоить васъ. А онъ отвѣчалъ:—какъ вамъ не стыдно! и сейчасъ же сталъ говорить со мною просто, какъ съ давно знакомымъ человѣкомъ.

Никитинъ былъ средняго роста, въ отца атлетическаго сложенія, но въ это время здоровье его уже было разстроено, онъ былъ худъ и болѣзненъ. Лучшимъ украшеніемъ его смуглаго лица были прекрасные черные глаза, съ тѣмъ глубокимъ, привлекательнымъ взоромъ, который встрѣчается только у даровитыхъ людей. Юность его прошла безъ разсвѣта, безъ алой утренней зари, предвѣщающей роскошный лѣтній день. Съ трудомъ пробираемся по узкому, ветхому крылечку его жилища и входимъ въ переднюю, изъ которой ведутъ двѣ двери, направо и налево, направо комната его отца, направо большая комната, выходящая на улицу тремя окнами, это была спальня, кабинетъ и гостиная Ивана Савича, точь въ точь какъ онъ описалъ эту комнату въ слѣдующихъ стихахъ:

...И видишь предъ собой:

Диванъ съ подушкою худою,

Комодъ, старинный туалетъ,

Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,

Коверъ какой-то на полу,

Цвѣты въ какихъ-то глухихъ плошкахъ,

И наконецъ кота въ углу».

Здѣсь-то, во время вечеринокъ шла немолчная бесѣда, и привѣтливо манили лучи свѣта падавшіе на улицу. Это было наше первое свиданіе.

Второй разъ я видѣлся съ Никитинымъ лѣтомъ въ 60 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы устроить свою книжную торговлю и познакомиться съ писателями и поэтами. Но изъ разговоровъ его видно было, что онъ не познакомился съ ними и не захотѣлъ этого, а былъ только

у Аполлона Николаевича Майкова. Прожилъ онъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, въ продолженіи этого времени я его видѣлъ нѣсколько разъ. Онъ былъ у меня раза три или четыре. Мы ѣздили вмѣстѣ на загородныя гулянья. Разъ какъ-то я съ Никитинымъ и еще однимъ жителемъ Петербурга отправились на острова и зашли въ „Chateau des fleurs“. Я вообще былъ мраченъ и на всякія удовольствія смотрѣлъ свысока. И ходилъ и глядѣлъ кругомъ съ пренебреженіемъ; замѣтя это, Никитинъ сказалъ мнѣ съ добродушной насмѣшкой:—Эхъ, юноша! вамъ-бы все одно великое да прекрасное! Надо проще смотрѣть, веселѣе! Но самъ онъ былъ далеко не веселъ; онъ былъ болѣнъ, ходя по дорожкѣ, уставалъ и часто кашлялъ.

Въ свои посѣщенія ко мнѣ онъ смотрѣлъ мои работы. Я показывалъ ему мои рисунки, этюды масляными красками и эскизы. Я былъ тогда уже въ натурномъ классѣ. Изъ моихъ библейскихъ этюдовъ ему понравился эскизъ „Бѣгство святого семейства въ Египетъ“, потому что старикъ Іосифъ напоминалъ русскаго крестьянина. Затѣмъ онъ уѣхалъ и мы болѣе не встрѣчались“.

Н. Капустина.

Поэма „Кулакъ“ была любимымъ произведеніемъ И. С. Никитина. Онъ писалъ ее въ 54-мъ году и кончилъ въ 58-мъ, въ 59 она вышла въ свѣтъ и принята была съ восторгомъ и сочувствіемъ. Въ продолженіе этого времени Иванъ Савичъ сблизился съ многими образованными людьми и литераторами, много читалъ, замѣчательно развился и образовался, велъ живыя бесѣды съ друзьями, переписывался съ ними и съ нѣкоторыми женщинами даже изъ высшаго круга, которыя, никогда не видавши его, сочувственно относились къ его замѣчательному таланту и тяжелому положенію.

Чтобы хотя отчасти показать какъ интересна была его переписка, и какъ выражалась въ ней вся душа поэта,

прилагаемъ изъ числа многихъ писемъ два письма его, нигдѣ не печатанныя, писанныя къ одной изъ дамъ высокаго общественнаго положенія, умной, образованной, никогда не выдавшей его, но не разъ принимавшей участіе въ судьбѣ талантливыхъ людей и участіемъ своимъ вырвавшая ихъ изъ жестокаго положенія. При нѣкоторыхъ письмахъ Никитинъ прилагалъ свои еще неизданныя стихотворенія, прося ее сдѣлать свои замѣчанія. Вотъ начало одного изъ этихъ стихотвореній никогда не бывшее въ печати. Къ сожалѣнію сохранилось только начало, продолженіе его затеряно; писалось оно во время страстнаго религіознаго настроенія поэта:

„Въ моей глуши, въ моей пустынѣ,
Нежданно храмъ себѣ воздвигъ,
И новый жрецъ, вполне я нынѣ
Восторгъ молитвенный постигъ“.

ПИСЬМО 1-е.

„Ваше сіятельство!

„Я съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ васъ письма, которое вы обѣщались ко мнѣ написать; ждалъ замѣчаній, которыя вы обѣщались сдѣлать на мою поэму и, недождавшись ни того, ни другаго, осмѣливаюсь писать къ вамъ. Быть можетъ, вы будете такъ добры, удостоите меня и письмомъ, и замѣчаніями. Я былъ бы радъ услышать ваше слово. Что нужды, если вы и побраните меня за мой новый неудачный трудъ; все же я буду радъ, я знаю изъ какого источника будетъ литься ваша рѣчь.

„Я думаю, вы собираетесь теперь на дачу, или быть можетъ, вы не разстанетесь съ Петербургомъ въ продолженіе пѣлаго лѣта, если да, это наказаніе. Я не могу себѣ представить что либо хуже постоянной жизни въ городѣ. Если бы была возможность, я простился бы навсегда съ душною

городскою пылью, съ его громомъ и суетой. Что за наслаженіе быть въ лѣсу, въ зеленой чащѣ, подъ открытымъ небомъ, или бродить по межамъ въ полѣ въ тотъ часъ, когда вечерняя заря краснѣетъ надъ широкою равниной, по дорогѣ поднимается румяная пыль, во ржи быють перепела, а позади синяя туча съ алыми краями медленно развертывается надъ лѣсомъ, принимаетъ новыя и новыя фантастическія формы. Увѣряю васъ, пишу это не для того, чтобы напомнить вамъ минувшее время идиллій, а пишу потому, что такъ пишется; грудь такъ и проситъ чистаго воздуха; городъ, домъ et cetera мнѣ стали невыносимы. Богъ вѣсть удастся ли мое предположеніе, на-дняхъ думаю отправиться въ деревню. Несноснѣ всего то, что около Воронежа нѣтъ удобнаго мѣстоположенія. Нѣтъ деревни, гдѣ можно бы нанять домъ и въ немъ поселиться. Деревень-то конечно много, но присутствіе болотъ — вотъ что лишаетъ возможности тамъ жить. Жители то и дѣло терпятъ отъ лихорадокъ, а удалиться подальше отъ города нельзя, на мнѣ лежатъ домашнія заботы. Теперь даже и книгъ нѣтъ подъ руками, тоска и только! Мнѣ будетъ грустно, если вы не сдержите своего обѣщанія — не напишете нѣсколько строкъ и не сдѣлаете замѣчаній на мою поэмку. Если я и уѣду изъ города, письмо ваше будетъ мнѣ доставлено немедленно, путь, по которому получаю письма — вѣренъ. Что значить молчаніе г. Шербины? Въ послѣднее время я не видалъ ни одного изъ его стихотвореній въ журналахъ, неужели онъ такъ занятъ службой?

„У васъ я думаю, такъ много новаго въ Петербургѣ? Какъ бы хотѣлъ что нибудь услышать? Все напечатанное, разумѣется, извѣстно, но, быть можетъ, есть новости и непечатанныя. У насъ глушь — тихо, если сюда, что и доходить, то обезображивается страшнымъ образомъ.

„Всею душой преданный вамъ

И. Никитинъ“.

ПИСЬМО 2-е.

„Ваше сіятельство!

„Я потерялъ послѣднее терпѣнье, дожидаясь изъ Москвы моего „Кулака“, не потому, чтобы мнѣ хотѣлось взглянуть на него какъ на свое любимое дѣтище—это было бы слишкомъ сантиментально и глупо, но потому, что безъ него я не имѣлъ бы повода, или говоря правду, не смѣлъ бы писать къ вамъ: такъ ваше послѣднее письмо было кратко! Много я передумалъ о причинахъ этой краткости и пришелъ къ печальному заключенію—обвинилъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, до полученія вашего послѣдняго письма я такъ долго молчалъ! Я былъ болѣнъ. Неужели я молчалъ по безпечности, разсѣянности, лѣни? Неужели, наконецъ, изъ прежнихъ моихъ писемъ не видно, сколько отрады, сколько счастья приносила мнѣ каждая строка вашего письма? Если вы прекратили со мною переписку, тогда отъ кого же я услышу теплое слово? Вѣдь есть люди, отъ которыхъ самые укоры намъ сладостны. Кто не хочетъ видѣть извѣстное лицо лучшимъ, для кого, чѣмъ бы оно ни было, все равно, тотъ не станеть дѣлать ему укора. И такъ, если по вашему мнѣнію я виноватъ, побраните меня, сдѣлайте мнѣ тысячи упрековъ, пусть только въ источникъ всего этого будетъ хоть малѣйшее ко мнѣ участіе—и я буду счастливъ.

„Вотъ я посылаю вамъ „Кулака“. Дорого бы я далъ, чтобы прочитать его вамъ самому, но видно на роду было написано мнѣ не такъ. Тутъ не въ томъ дѣло, что трудъ мой, можетъ быть, выигралъ бы отъ чтенія, если онъ можетъ отъ чего выиграть—нѣтъ! я хотѣлъ бы слышать вашъ отзывъ, знать ваше мнѣніе, читая свою поэму, читать въ тоже время на вашемъ лицѣ впечатлѣніе за или противъ нея. Пусть даже одно противъ, это небольшое несчастье: вы сказали бы мнѣ „дурно!“ я далъ бы слово написать что

нибудь новое получше. „Кулакъ“ сначала покажется вамъ скучнымъ. Имѣйте терпѣніе дочитать его до конца. Въ началѣ я долженъ былъ обрисовать его личность, поле его дѣятельности и прочее. Добрая, безотвѣтная старушка Арина, я думаю, вамъ понравится. Жаль, что я мало затронулъ особу профессора—боялся цензуры, боялся растянуть цѣлое вводнымъ лицомъ. Въ болотѣ, въ которое я сдѣлалъ шагъ, такой омутъ, такая бездна грязи!.. Если бы вы знали, сколько проклятій сыплютъ на меня нѣкоторые профессора В. семинаріи! (я инымъ читалъ свою рукопись). „Какъ онъ могъ коснуться струны, которую оставляли въ покоѣ лучшіе изъ нашихъ литераторовъ?“ Если представится случай—если въ вашемъ присутствіи замѣтитъ кто либо недостатки въ обрисовкѣ личности профессора, защитите меня на основаніи высказанныхъ здѣсь мною по этому предмету мыслей.

„Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта. На книгѣ я не написалъ ничего и къ чему? Неужели вы не увѣрены въ глубочайшемъ уваженіи всей душой преданнаго вамъ

И. Никитина“.

Воронежъ.
1858 г., марта 3.

Кромѣ переписки съ людьми близкими по душѣ, у Никитина вечеромъ нерѣдко собирались друзья въ бѣдной комнатѣ его постоялаго двора и много лѣтъ помнилось какъ на этихъ вечерахъ читались его душевные произведенія, не забывался и его симпатичный голосъ, не забывалось выраженіе серьезнаго, блѣднаго лица, горящихъ глазъ, на которыхъ дрожали слезы! Трепетъ пробѣгалъ по тѣлу, когда въ безмолвной комнатѣ, залитой лучами лѣтняго солнца, мужественно раздавались вотъ такого рода стихи:

Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!

Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!

И всѣ знали и вѣрили, что онъ и рвался, и разбивалъ, и желалъ, и не жалѣлъ!

Въ числѣ людей искренно расположенныхъ къ Никитину и умѣвшихъ цѣнить его былъ, до самой кончины поэта, графъ Д. Н. Толстой и В. А. Кокоревъ. Кокоревъ помогъ денежными средствами Никитину устроить книжный магазинъ въ Воронежѣ, что было сильнымъ желаніемъ его, когда онъ сталъ въ состояніи располагать 2,000 рублей, которые получилъ за изданныя его сочиненія.

Въ 1859 года Никитинъ поѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ на обсужденіе этого предпріятія вмѣстѣ съ своими друзьями, Второвымъ и Придорожнымъ, проживавшими временно по дѣламъ въ Петербургѣ. Въ этотъ-то пріѣздъ Никитинъ и видѣлся въ Петербургѣ съ Иваномъ Николаевичемъ Крамскимъ, осматривалъ петербургскія достопримѣчательности и ѣздилъ гулять по ближайшимъ окрестностямъ. Большею же частію онъ хлопоталъ по дѣламъ коммерческимъ съ оптовыми книгопродавцами.

Много хлопотъ и волненій приходилось выносить Никитину съ устройствомъ книжнаго магазина: разстроенное здоровье его такъ пострадало отъ этого, что когда онъ оставилъ свой постоянный дворъ и появилась вивѣска „Книжный магазинъ Никитина“, то владѣлецъ магазина съ трудомъ могъ встать съ постели.

Иванъ Николаевичъ Крамской не видался больше съ Никитинымъ и съ грустью узналъ о его преждевременной кончинѣ, и онъ все съ большимъ и большимъ успѣхомъ занимался живописью и кромѣ множества прекрасныхъ картинъ писанныхъ красками, онъ былъ въ числѣ общества художниковъ образователей выставки картинъ.

Всѣ знаменитые русскіе художники писали и пишутъ большей частію свои произведенія въ Петербургѣ, Москвѣ

или за-границей, откуда уже присылаютъ свои произведенія въ академію художествъ въ Петербургъ; эти картины выставлялись на выставку и покупались академіею или частными лицами, которыя сейчасъ же ставили ихъ въ свои картинныя галлерей, сдѣлавшіяся въ настоящее время дорогими хранилищами русскаго художества. Къ числу такихъ галлерей принадлежатъ въ Москвѣ картинныя галлерей: Третьякова и Боткина.

Иной разъ прямо изъ мастерской художника картина покупалась и ставилась въ картинную галлерей.

Видѣть картины нашихъ художниковъ, наслаждаться ими можно было только въ столицахъ, въ картинныхъ галлерейхъ и въ академіи художествъ; жители провинцій лишены были этой возможности. Желая доставить возможность иностраннымъ жителямъ слѣдить за развитіемъ художества и познакомиться съ картинами хотя нѣкоторыхъ нашихъ художниковъ, въ 1872 году кружокъ лучшихъ художниковъ, какъ-то: Крамской, Шишкинъ, Маковский, В. Е. Боголюбова, Перовъ, Мясоѣдовъ, Рѣпинъ и другіе, основали товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ.

Каждый годъ весною всѣ члены товарищества присылаютъ свои картины, написанныя въ продолженіи года, въ Петербургъ, гдѣ распорядители устраиваютъ ихъ выставку. Лишь только она откроется, какъ масса публики, всѣхъ возрастовъ и сословій, спѣшитъ въ залъ выставки. Густой толпою стоятъ зрители предъ пейзажами Шишкина, морскими видами Боголюбова, высокохудожественными произведеніями Крамскаго, дѣтскими и женскими головками Маковского и др.

Проходитъ мѣсяцъ — выставка закрывается; художники укладываютъ свои картины въ ящики и везутъ ихъ въ Харьковъ, Одессу, Кіевъ; перевозка требуетъ большихъ трудовъ, хлопотъ, часто денежныхъ убытковъ, но товарищество точно исполняетъ свою цѣль — ни одна еще ихъ выставка не осталась дома, всѣ путешествовали. Съ картинами ѣдетъ худож-

никъ—онъ вынимаетъ картины, устанавливаетъ ихъ на выставкѣ, передаетъ картины другому товарищу, который везетъ ихъ дальше въ другой городъ.

Когда путешествіе выставки кончится, всѣ картины, обыкновенно заранѣе уже куплены, разбираются ихъ владельцами и хранятся въ картинныхъ галлерейхъ, куда попасть и полюбоваться ими не всякій можетъ. Если бы не было у насъ передвижныхъ выставокъ, то большая часть людей, любящая и понимающая художественныя произведенія, не видѣла бы ихъ. Теперь же и провинціальныя жители знаютъ своихъ художниковъ, видятъ ихъ великія произведенія и понимаютъ ихъ достоинство.

Было уже 10 передвижныхъ выставокъ; на нихъ прошло болѣе 1,000 лучшихъ картинъ. Сколько новаго, разнообразнаго, красиваго увидѣли зрители!

На страницахъ настоящаго нумера помѣщена картина „Старички“ Маковского, бывшая на послѣдней выставкѣ. Надо было видѣть на картинѣ какъ ярко выразила кисть художника выраженіе лицъ старичковъ, съ какой любовью они въ четыре руки играютъ на роялѣ—и отдаются всѣ звукамъ, повидимому напоминающихъ имъ много хорошихъ минутъ жизни.

Глядя на это художественное произведеніе, каждый добродушно улыбается и думаетъ, какую тихую, мирную жизнь должно быть провели эти старички.

СТАРИЧКИ.

(Картина Маковского).

СЕРДЦЕ ПОЭТА.

Фантастическій разсказъ.

БЫСТРО и безшумно скользить тонкая игла по батисту. Неутомимо двигаются худенькія руки. Большіе, задумчивые каріе глаза устремлены на работу, вѣки опухли отъ долгихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ за шитьемъ. Заказчица изъ богатыхъ, работа спѣшная и складка за складкой, рубчикъ за рубчикомъ быстро выходятъ изъ-подъ искусныхъ пальцевъ молодой еще, блѣдной истомленной швеи.

Въ маленькой комнаткѣ въ одно окно тихо, совсѣмъ тихо. Въ ней слышится только мѣрное тикъ-такъ маятника и ровное дыханіе ребенка, спящаго въ небольшой колясочкѣ подъ большой кисейной занавѣской.

Еще не поздно, всего одиннадцатый часъ вечера. Нашей швеѣ придется еще долго, долго просидѣть за работой, а она такъ устала. Отяжелѣвшія вѣки порой невольно смыкаются, а каріе глаза нерѣдко отрываются отъ работы и заглядываютъ туда, въ эту колясочку, гдѣ, покрытый кисеей, спитъ ея двухлѣтній сыночекъ.

На улицахъ еще слышится грохотъ и стукъ экипажей, еще снуютъ толпами прохожіе, но весь этотъ шумъ и гулъ большого города не достигаетъ до комнаты бѣдной швеи, она пріютилась въ пятомъ этажѣ одного изъ громаднхъ домовъ многолюднаго города, чтобы быть поближе къ тому магазину, на который она работала.

Ея комнатка выходитъ единственнымъ окномъ на дворъ и потому въ ней тихо. Квартирные хозяева ея давно улеглись и заснули.

Ничто не мѣшаетъ нашей швеѣ работать, ничто не мѣшаетъ ей думать.

Маленькая керосиновая лампа съ абажуромъ освѣщаетъ всю эту непривѣтную, неприглядную, давно знакомую ей обстановку.

Шьетъ себѣ наша швея и думаетъ, не то грезить, не то вспоминаетъ. Вспоминается ей невеселое трудовое бѣдное дѣтство, вспоминается одинокая, безрадостная молодость въ большомъ городѣ, недолгая, счастливая замужняя жизнь, свѣтлой полосой промелькнувшая среди однообразныхъ, сѣренькихъ будничныхъ дней.

А потомъ, потомъ кончина мужа, снова одиночество еще болѣе мучительное, еще болѣе тяжелое, одиночество, котораго бы она не вынесла, если бы съ нею не было ея сына, ея ребенка, онъ былъ для нея поддержкой, опорой, сокровищемъ, съ нимъ она не могла бы разстаться.

Часто мрачныя мысли и тяжелыя предчувствія объ участи сына, болѣзненнаго мальчика, блѣднаго до прозрачности, съ темными глазами, съ серьезнымъ, глубокимъ взоромъ, заставляютъ тоскливо, мучительно сжиматься сердце матери, а худенькіе пальцы все работаютъ да работаютъ: бѣднякамъ горевать долго некогда.

Старые часы какимъ-то удушливымъ, хриплымъ шопотомъ выкрикиваютъ полночь, усталыя руки еле держатъ иглу, отяжелѣвшія вѣки смыкаются невольно, а шить надобно еще долго, долго! Работа должна быть кончена къ утру, и шьетъ себѣ наша швея, часто поглядывая на колясочку, точно какъ бы для того, чтобы почерпнуть силы во взглядѣ на дитя.

Шьетъ она и думаетъ, что-то будетъ съ ея сыномъ, если она не доживетъ до того времени, когда онъ подростетъ и самъ встанетъ на ноги? Да если и доживетъ, что можетъ она дать ему, своему дорогому ребенку?—Жизнь, душу свою, вотъ все, что она можетъ дать ему.

Но что это? дверь комнатки беззвучно отворяется и передъ удивленной швеей появляется старый еврей, одѣтый въ длинный, поношенный черный халатъ и черную еврейскую шапку.

Швея знаетъ этого еврея. Эта старый Ааронъ Шимшель, торговецъ-старьевщикъ, ея бывший сосѣдъ по комнатѣ, одинокій бѣднякъ, схоронившій дѣтей и внуковъ. Евреевъ не любили въ томъ многолюдномъ городѣ, гдѣ жила наша швея, надъ ними нерѣдко издѣвались. Ихъ притѣсняли, когда они были бѣдны и безпомощны, передъ ними пресмыкались когда они были богаты и сильны. Старику Шимшелю нерѣдко приходилось выносить много обидъ и оскорбленій отъ ребятшекъ и жильцовъ большого дома, гдѣ онъ жилъ. Но наша швея привязалась къ одинокому старому бѣдняку, едва зарабатывающему жалкій кусокъ хлѣба своимъ ремесломъ. Она нерѣдко угощала старика чаемъ, обѣдомъ, она относилась къ нему съ нѣжностью и уваженіемъ дочери. Старикъ, пригрѣтый ея лаской, полюбилъ ее и привязался къ ея сыну съ той безграничностью, съ которой большей частью привязываются къ дѣтямъ заброшенные одинокіе люди.

Но вотъ въ одну холодную зимнюю ночь Шимшель ушелъ и болѣе не возвращался. Сердце швеи нерѣдко горько сжималось при мысли о бѣдномъ заброшенномъ старикѣ. Она

долго ждала его, безуспѣшно искала его вездѣ, наконецъ порѣшила, что онъ должно быть умеръ гдѣ нибудь, позабытый всѣми, заброшенный, одинокій.

И вотъ онъ опять передъ нею, послѣ долгаго полугодоваго отсутствія, передъ нею въ ту минуту, когда она и не вспоминала о немъ, когда сердце ея разрывалось тревогой и тоской при мысли объ участи, о будущемъ ея сына.

Да, это Ааронъ—это его высокая, сутуловая, сухошавая фигура, его блѣдное лицо, обрамленное серебристой бородой, напоминающее лица древнихъ библейскихъ патріарховъ. Серебристыми волнами падаютъ изъ-подъ еврейской шапки сѣдые кудри на черный халатъ, страннымъ, загадочнымъ блескомъ сверкають черные глаза изъ-подъ густыхъ, темныхъ съ просѣдью нависшихъ бровей. Молодой женщинѣ становится какъ-то жутко и страшно отъ пронизательнаго взгляда этихъ глазъ, точно они читають въ ея душѣ какъ въ открытой книгѣ.

— Ааронъ Шимшель, шепчетъ она дрожащимъ голосомъ, откуда ты?

Странная улыбка мелькаетъ на губахъ старика при этомъ вопросѣ.—Зачѣмъ тебѣ знать, откуда я, дочь моя? произносить онъ медленно. Достаточно того, что я явился къ тебѣ въ то время, когда ты мучилась мыслями о будущемъ твоего сына. Ты была всегда добра ко мнѣ, ты пригрѣла своей лаской стараго бѣдняка еврея, у котораго не было никого близкихъ и я пришелъ помочь тебѣ. Я даю тебѣ волшебную силу, такую силу, которой ты сама можешь избрать будущее твоего сына. Его участь въ твоихъ рукахъ, только смотри выбирай осмотрительно, чтобы послѣ не жалѣть. Ступай за мной!

— Сынъ твой спитъ и не проснется до нашего возвращенья, прибавилъ старикъ, улыбаясь и слегка приподнявъ кисею колыбели, прикоснулся бережно своими блѣдными старческими устами ко лбу мальчика. Ребенокъ спалъ, его русые шелковистыя кудри разметались по подушлѣ, длинные, тем-

ныя рѣсницы были опущены на зарумянившіся отъ сна щечки, ручки крѣпко сложены.

Долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ старикъ еврей на спящаго ребенка и, осторожно опустивъ кисею, подалъ матери знакъ слѣдовать за нимъ.

Молодая женщина поспѣшно накинула на себя большой платокъ, такъ какъ ночь была холодная, морозная, настоящая сѣверная октябрьская ночь и пошла за старикомъ, безсознательно повинаясь ему призыву.

Они шли долго по многолюднымъ, уже опустѣвшимъ улицамъ, вошли въ какой-то темный, плохо освѣщенной закоулокъ и остановились у большого полуразвалившагося, по видимому, необитаемаго дома. Точно черная, бездонная пропасть сіяли безъоконныя рамы, вѣтеръ заунывно завывалъ и стоналъ въ нежилыхъ комнатахъ.

— Мы пришли, сказалъ Шимшель, положивъ свою руку на плечо швеи. Не бойся, прибавилъ онъ, увидя что спутница его дрожить и блѣднѣть. У меня фонарь и я буду свѣтить тебѣ. Ступай за мною.

Шимшель вынулъ изъ-подъ полы своего халата фонарь, засвѣтилъ его и пошелъ впередъ, осторожно спускаясь по старымъ, покачнувшимся лѣстницамъ въ подвалъ необитаемаго дома. Робко, сдерживая дыханіе, спѣшила за нимъ швея, боясь поскользнуться и упасть.

Желѣзная дверь подвала была заперта крѣпкимъ, но ржавымъ замкомъ. Шимшель вынулъ изъ кармана большой ключъ и открылъ ее.

Они вошли въ подвалъ. Струя холодного, сыраго воздуха охватила швею съ головы до ногъ, она вся вздрогнула.

— Вотъ мы и въ моемъ царствѣ, сказалъ старикъ и улыбнулся странной, загадочной улыбкой. Фонарь его, свѣтившій слабо и тускло, мгновенно залилъ яркимъ свѣтомъ высокіе своды подвала.

— Ну, вотъ ты горевала сегодня объ участи своего сына, произнесъ онъ медленно и торжественно. Участъ его въ тво-

ихъ рукахъ. Жизнь человѣка создается такимъ сердцемъ, какое бьется у него въ груди. Здѣсь собраны сердца всѣхъ размѣровъ и формъ, выбирай любое, но помни, прибавилъ онъ, отъ твоего выбора зависитъ участь твоего сына.

Говоря это, Шимшель открылъ большой кованный сундукъ и передъ трепещущей швеей представилось странное, поразительное зрѣлище.

Сундукъ былъ переполненъ сердцами различныхъ размѣровъ и различной формы: золотыми, серебряными, мѣдными, каменными, крошечными и большими.

Старикъ еврей наклонился надъ сундукомъ, поднесъ къ нему свой фонарь, близко, близко и передъ ослѣпленнымъ взоромъ матери засверкали, замигали, забѣлѣли, забились всѣ эти сердца, въ глазахъ у нея потемнѣло, въ ушахъ звенѣло, руки дрожали все сильнѣе и сильнѣе.

А. Сахарова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗБИТЫЯ ГУСЛИ.

БОРВАНЫ струны, и гусли разбиты,
Не слышится голосъ поэта,
Всѣ лучшіе годы въ томлениі прожиты,
Послѣдняя пѣсня допѣта...
Оборваны струны, и замерли звуки,
А сердце такъ полно желанья,
Чтобъ снова коснулись къ нимъ трепетно руки
Для пѣсенъ, тоски и страданья.

Низовскій.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1883 году, журналъ «Игрушечка» будетъ издаваться по прежней программѣ: стихотворенія, повѣсти, рассказы, біографіи знаменитыхъ людей, статьи по исторіи, естественнымъ наукамъ и технологіи. Статьи каждаго № будутъ по возможности пополнять и пояснять другъ друга. Нумера будутъ выходить по воскресеньямъ отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома по 25 нумеровъ въ каждомъ, что въ общемъ составитъ болѣе 100 печатныхъ листовъ съ 150 рисунками. Въ журналѣ примутъ участіе: С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ, (проф.) Е. И. Бороздина, Е. М. Бемъ, Воскресенская, И. Ѳ. Горбуновъ, Григорова, Е. Н. Геслингъ, С. Д. Дрожжінъ, Е. Ф. Добрынина, Желиховская, гр. П. Капнистъ, гр. Ида Капнистъ, Н. Н. Каразинъ, Н. Н. Кувшинниковъ, Н. Капустина, Н. С. Лѣсковъ, С. И. Лаврентьева, Н. Е. Львова, В. Л. Львовъ, С. И. Мировольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Плещеевъ, И. Попова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. Н. Садовниковъ, А. Г. Сахарова, гр. Е. Сальсъ, И. В. Сорокинъ, проф., гр. Толстая, А. И. Тонлифрова. Е. Ф. Юнге и др.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ доставкою и пересыл. 6 р. } {	На полгода съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
» » безъ доставки и перес. 5 » } {	» » безъ дост. и пер. 3 » — »

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—за 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 октября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.